

{зимовьЕ <землянка>} ₂₉	2
{зазимье ² <первые заморозки>} ₆	1
{зимку ² <озимая пшеница>} ₇	1
{зимнУх ² <теленок, поросенок>} ₁₃	1
{зимнушОк/ зимнУх ³ <молодняк скота>} ₁₄	1
{зимовОе} ₂₅	1
{зимОВые <озимь>} ₂₈	1
{зазимье ³ / зазимок ² / зазимОк ² <начало зимы>} ₃₂	1

Для деривационной и фреймовой модели описанные трудности неактуальны: деривационная модель вообще слабо связана с функционально-семантической сферой; фреймовая же модель строится на основе пропозиций, представляющих собой условную запись ситуации (системы смысловых ситуационных позиций) и не ориентированных поэтому на образ коммуникативного предложения: *костерщик* (S) – *костер* (O) – *кострище* (R); *летник* (O) – *лето* (T).

Таковы вкратце аспекты проблемы ядерности в мотивационно-ассертивном моделировании гнезда однокоренных слов. Научная постановка и оценка проблемы соотношения в гнезде слов ядра и периферии приближает нас к решению более глобальной задачи – полемому представлению гнезда однокоренных слов, что видится научно продуктивным в плане дальнейшего феноменологического познание данного языкового явления.

Литература

1. Антипов А. Г. Алломорфное варьирование суффикса в словообразовательном типе (на материале русских говоров). – Томск, 2001.
2. Араева Л. А. Словообразовательный тип как средство категоризации языковой картины мира (в свете современного когнитивного подхода) // Языковая категоризация (части речи, словообразование, теория номинации). Материалы круглого стола, посвященного юбилею Е. С. Кубряковой по тематике ее исследований. – М., 1997. – 96 с.
3. Араева Л. А. Эволюция теории полимотивации. // Современные наукоёмкие технологии. – № 3. – 2005. – С. 13-20.
4. Демиденко К. А. Мотивационно-ассертивная модель гнезда однокоренных слов с деривационной вершиной весна (на материале южно-русских говоров) // Теория и практика инновационной стратегии региона. / Отв. Ред. Ю. Н. Клещевский. – Вып. 1. – Кемерово, 2005. – С. 153-161.
5. Демиденко К. А. К постановке вопроса об ассертивном моделировании мотивационных отношений // Современная филология. Актуальные проблемы. Теория и практика. / Под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск, 2005. – С. 198-201.
6. Евсеева И. В. Словообразовательное гнездо как фрагмент языковой картины мира // Лингвистика как форма жизни. Сб. науч. Труд., посвященный юбилею Л. А. Араевой. – Кемерово, 2002. – С. 109-112.
7. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в языковой картине мира. // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 141-149.
8. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997.
9. Катышев П. А. Мотивационная многомерность словообразовательной формы. – Томск, 2001.
10. Катышев П. А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы. – Томск, 2005.
11. Осадчий М. А. К вопросу о пропозициональном моделировании гнезда однокоренных слов // Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири (СИБРЕСУРС – 10 – 2004). – Томск, 2004. – С. 318 – 322.

Примечание

¹ Полное описание мотивационно-ассертивной структуры гнезд *осень* и *весна* см. в работах автора: [4, 5].

Денисенко С. Н.

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК СОВЕРШЕННОЕ ОРУДИЕ ЯЗЫКОВОГО ОБЩЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)

Деривационные связи – это любые связи, которыми объединяются первичные и основанные на них, вторичные языковые единицы, и которые типичны для отношений между исходными и производными знаками языка.

Понятие деривации применимо только к тем единицам языка, возникновение которых может быть описано путем реконструкции породившего их процесса, т. е. восстановление их деривационной истории.

Это позволяет, с одной стороны, противопоставить процессы, участвующие в формировании речи или ее порождения, как деривационные и недеривационные (реализация готовых единиц, аналогия, правила оптимального набора и т. п.), с другой – определить более точно рамки деривации как процесса направленного на функционально-семантическое преобразование исходной единицы и сознательно ориентируемого либо на создание нового знака, либо на выражение исходным знаком новой функции [1].

С развитием фразеологии как науки об изучении особых самостоятельных номинативных единиц – фразеологизмов и исследований процесса производности во фразеологии появился новый аспект деривации – фразеологическая деривация на основе существующей фразеологии (ФДСФ).

Предметом ФДСФ является определение закономерностей образования производных устойчивых словесных комплексов устойчивого словесного комплекса (УСК) – вторичных единиц фразеологического уровня языковой структуры.

ФДСФ в этом плане выступает как вторичный фразеологический процесс, который проявляется в семантических изменениях УСК, существующего в языке, готовых уже, прошедших определенный путь развития, пока они стали фразеологизмами.

На основе одного, исторически известного производящего УСК возможно образование производного (производных) УСК. УСК, находящихся в деривационных отношениях, образуют особое деривационное (фразеологическое) гнездо. Внутри деривационного гнезда выделяются два типа отношений между входящими в него УСК: отношения между производящим УСК и производным (производными) от него и отношения между производными УСК, образованными от того же источника.

В деривационном гнезде его вершина, генетически известный УСК противопоставлен всем производным единицам гнезда. Напр.: словари и сборники регистрируют фразу (ФЗ) **im Dunkeln tappen** «*блуждать в*

потемках, действовать наугад» и объясняют, что она образована из библейской цитаты : «**Und wirst tappen im Mittage, wie ein Blinder tappet in Dunkeln/ und wirst tappen am Mittag, wie ein Blinder tappet im Dunkeln**» (2). По синтаксической структуре цитата – сложноподчиненное предложение. Вторая его часть – придаточное предложение **wie ein Blinder tappet im Dunkeln** преобразуется под влиянием семантической деривации путем переразложения в ФЗ **im Dunkeln tappen**.

В словарях и сборниках находим довольно разветвленную сеть ФЗ с центральным образом чего-то скрытого, неизвестного, неопределенного: **im Finstern (Dunkeln) tappen, im dunkeln tappen, im Finstern tappen**– «блуждать в потемках, действовать наугад», **im finstern tappen** «ходить оцупью», **im Dunkeln lassen, j-n im dunkeln lassen** «оставлять кого-л. в неизвестности», **im Dunkeln liegen, im Dunkeln bleiben** «находиться в неизвестности», **ins Dunkeln treten** «отступить на задний план».

Деривационное гнездо этой ФЗ выглядит так:

1. а) **im Dunkeln tappen** идти оцупью, бродить в потемках
- б) **im dunkeln tappen** идти оцупью, бродить в потемках
2. а) **im Finstern (Dunkeln) tappen** блуждать в потемках, действовать наугад; блукати в п'тьмі, діяти наугад.
- б) **im finstern tappen = im dunkeln tappen** блуждать в потемках
3. **im Blinder tappen** ходить оцупью, ходити навпомацки.
4. а) **im Dunkeln lassen** оставлять кого-л. в неизвестности, не сказать кому-л. ничего определенного.
- б) **im dunkeln lassen** ungewissen lassen, nichts Genaues sagen.
5. **im Dunkeln liegen** находиться в неизвестности.
6. **ins Dunkeln treten** отступить на задний план, сойти со сцены.
7. **im Dunkeln bleiben** оставаться в неизвестности.
8. а) **im dunkeln ist gut munkeln** потемщики света не ищут
- б) **im dunkeln ist gut munkeln**
- в) **Im Dunkeln lasen sich manche Dinge am besten machen** Ночь все покрывает; ночью все кошки серы.

Сравнивая ФЗ–дериват **im Dunkeln tappen** с названными ФЗ по их структурно–семантическим особенностям и грамматическому оформлению, приходим к выводу, что в данном случае происходит частое у подобного структурно–семантического типа ФЗ появление и развитие значений переходности /непереходности, предельности/непредельности. Правда, не исключено, что в отдельных случаях происходит совпадение различных по своему происхождению единиц. Все они могли образоваться на второй ступени путем варьирования глагольных и именных компонентов: «**Finstern**» – «**Dunkeln**» – «**Blinder**»; «**tappen**» – «**lassen**», «**liegen**» – «**treten**» – «**bleiben**»; «**Finstern**» – «**finstern**»; «**Dunkeln**» – «**dunkeln**».

Расширение или универсализация их смысла является следствием отрыва содержания от первоначального источника и расширения круга применения, а также с насласением коннотативного компонента значения.

К фразеобразовательному гнезду ФЗ **im Dunkeln tappen** в силу способности любого фразеологизма и его компонентов в той или иной степени сохранять или восстанавливать содержательные и формальные свойства исходной единицы можно отнести и пословицу **im Dunkeln ist gut munkeln** «Потемщики света не ищут», сборник пословиц Графа приводит ее со ссылкой на сборник пословиц Керте. А в сборнике Липпергейде находим и аналогичное по смыслу, но с другой грамматической интерпретацией выражение поэта 16ст. Г. М. Мошера (1613), ставшее также пословицей, которое мы рассматриваем как авторское образование, что не входит в предмет нашего анализа **im dunkeln ist gut zu munkeln**. Сюда же можно отнести и пословицу приводимую некоторыми сборниками, в том числе и Ф. Зейлером, которая могла образоваться на основе расширения образности **Im Dunkeln/wenn andere nicht zusehen/lassen sich manche Dinge am besten machen** «Ночь все покрывает, ночью все кошки серы».

Теоретическая реконструкция деривационного процесса связана прежде всего с наследованием деривационной истории фразеологизма. Ибо восстановить или конструировать существование и для таких единиц, как высказывание или текст. В этом смысле приобретает значение тезис об универсальной значимости принципа фразеологической деривации. А это побуждает нас обратиться при анализе ФДСФ к рассмотрению того, что сближает процессы образования одних УСК на основе других и что позволяет устанавливать определенные правила введения производных знаков из знаков исходных.

Такой подход закономерно подводит нас к необходимости найти ответы на целый ряд вопросов, еще не нашедшие решения. К ним относятся вопросы о том, в каких случаях в языке происходит порождение единиц, какие именно процессы деривации осуществляются в языке (речи) и каков их механизм, изоморфны ли эти процессы. Анализ ФДСФ призван в какой-то мере ответить на них.

УСК-дериваты представляют собой знаки вторичной номинации, поскольку они образуются на базе уже готовых языковых знаков единого (фразеологического) уровня. Их возникновение в естественных языках является следствием дивергенции между бесконечностью человеческого познания, общественной практикой и ограниченным количеством корневых морфем. Осуществление номинации при помощи комплекса лексем предоставляет языку таким образом определенные ресурсы в его номинативной деятельности.

Техника образования новых языковых знаков на базе многокомпонентных структур, даже в том случае, если они подобно лексемам первичной и вторичной номинации заполняют лакуны в номинативной системы языка, показывает существенное различие: номинация при помощи лексем предполагает комбинацию последних на основе продуктивных синтаксических моделей.

Многокомпонентная структура языковых знаков в соединении с семантической трансформацией способствует созданию языковых единиц (фразеологизмов), которые в значительной мере покрывают коммуникативные потребности носителей того или иного языка в экспрессивных языковых средствах.

Фразеологическая деривация с функциональной точки зрения есть акт номинации, означивания новой для социального опыта (либо индивидуального опыта носителя языка) реалии или понятия.

Суть механизма фразеологической деривации заключается в соотношении производных и производящих УСК, иначе – сущностью процесса являются отношения, возникшие в результате процесса.

Фразеологическая деривация предстает перед нами как один из конкретных разделов дериватологии, науки о процессах образования языковых единиц, динамической модели языка. С этой точки зрения фразеологическая деривация есть некоторый момент языковой коммуникации, процесс синтактико-семантический, непосредственно связанный с образованием предложения и текстов.

Фразеологическая деривация, т. е. деривация на фразеологическом уровне связана с синтаксической, лексической, морфолого-грамматической деривацией, как вышестоящий уровень связан с нижестоящим уровнем и базируется на них.

В основе деривации, в том числе и фразеологической, лежат правила образования текстов, собственно деривационные процессы синхронны потому, что они предназначены для производства в текстах новых единиц языка. Язык не был бы столь совершенным орудием общения без деривационных процессов.

Литература

1. Мурзин Л. Н. Синтаксическая деривация (Анализ производных предложений русского языка). – Пермь, 1979. – С. 46.
2. Денисенко С. Н. Німецько-українсько-російський словник-довідник (словник-довідник з фразеологічної деривації на основі існуючої фразеології німецької мови з перекладом прикладів на українську та російську мови). – Вінниця: Нова книга, 2005. – С. 63.

Десюкевич О. И.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКА В НАУЧНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ ЖУРНАЛА «ЗНАНИЕ – СИЛА»)

Научная публицистика рассматривается в современной лингвистической науке прежде всего с точки зрения ее стилистических особенностей. По мнению Р. С. Аликаева, научно-популярный, или научно-публицистический, подстиль является периферийным по отношению к прототипическому академическому подстилю, но вместе с тем научная журналистика отражает состояние дисциплинарного знания и обладает самыми яркими в рамках научного стиля культурными отличиями [1, с. 60-68].

В. И. Карасик, выделяя персональный и институциональный дискурс, относит научный дискурс к последнему. Отличия его определяются характером коммуникации: «Институциональное общение – это коммуникация в своеобразных масках. Именно трафаретность общения принципиально отличает институциональный дискурс от персонального» [2, с. 11-12]. Одним из способов описания научного дискурса, позволяющих выявить базовые ценности, является анализ основных концептов – *знание, исследование, истина*; с помощью анализа последнего формулируются следующие ценности: признание познаваемости мира, необходимости умножать знания и доказывать их объективность и т. д. [2, с. 16-17]. Константа *знание*, безусловно, также становилась предметом пристального и тщательного анализа прежде всего на основе этимологии [3, с. 340-348], однако применительно к научно-популярному дискурсу подобного исследования не проводилось, поэтому, как представляется, концептуализация знания, и именно гуманитарного знания, может быть выявлена на основе материалов журнала, содержащего в своем наименовании концептуальную метафору.

Избранный в 1926 году в качестве названия издания текст Ф. Бэкона – «Knowledge Itself is Power» – определил ценностную категорию знания, – его назначение состоит в том, чтобы оказывать преобразующее воздействие на мир и человека. Первые десятилетия своего существования журнал не освещал в достаточной мере проблемы, изучаемые гуманитарной наукой, поскольку предполагалось, что гуманитарное знание не способно изменить мир. Тематический, а вместе с ним и стилистический, поворот наметился в середине 60-х годов. Изменение ценностной установки журнала привело к тому, что вырос интерес к гуманитарному знанию, в том числе и к науке о языке, воздействующая функция которого стала осознаваться более отчетливо: одна из лучших статей по данной проблеме носит название «Власть слова и власть символа». Осмыслению проблем современного языкознания посвящаются целые номера [11-12 / 1998; 8 / 2005]. Тому, как предлагается читателю «лингвистическая» проблематика, как концептуализируется язык и гуманитарное знание, посвящена данная работа.

Последние годы издание активно занимается популяризацией исследований в области когнитивной лингвистики, а именно: концептуального анализа (здесь следует отметить не только статью об исследованиях Анны Вежицкой, но также формирующееся направление концептуальной научной журналистики, представителем которой является Ольга Балла), русского языка как картины мира [2005. – № 8], когнитивной теории метафоры. Когнитивный подход к языку, поставленная в рамках новой парадигмы проблема понимания людей разных культур вынуждают авторов издания посмотреть на язык совершенно иначе. Показателем заголовков статьи Ирины Прусс, посвященной популяризации семантических исследований А. Вежицкой на примере концептов *друг, товарищ*, – «Мой враг, мой друг, мой господин» [2005. – № 8. – С. 22-28]. Двойной смысл заголовка позволяет автору не только ввести тему текста, но и метафорически выразить концептуализацию языка как силы, управляющей нашим пониманием. Самые яркие примеры метафорических уподоблений языка, которыми богат этот текст, позволяют выделить некоторые семантические признаки в составе данного концепта. Так, язык может пониматься как явление:

1) 'способное выявлять скрытое, истинное': «Скажем о нем как о *лакмусовой бумажке* или как о *пленном во вражеском стане*, ибо язык *выдает* все секреты – самые тонкие особенности, пристрастия, достижения и провалы своего носителя»;

2) 'с трудом поддающееся осмыслению': ученый интерпретируется как *ловец* семантических отличий коррелирующих понятий в разных культурах: «*«Ловить» эти различия* интереснее всего именно на ключевых словах, обозначающих самое важное, ценное для носителей данной культуры (автор, видимо, намеренно избегает терминов «концепт», «универсальный семантический язык» и т. д.);